

СТРАТЕГИЯ XXI ВЕКА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР РОССИИ*

Я хотел бы в первую очередь сосредоточить внимание на политических проблемах сегодняшней России, на причинах того радикального поворота, который произошел осенью 1998 года;

на нашем отношении к новому Правительству России и тому курсу, который оно проводит;

на анализе наших собственных ошибок;

на тех задачах, которые стоят перед партией ДВР в связи с созданием коалиции “Правое дело” и подготовкой к выборам,

и, наконец, на стратегических задачах, которые должна будет решать наша партия вместе со своими единомышленниками.

Причины радикального поворота осени 1998 г.

Сейчас в общественное сознание активно внедряется миф, в соответствии с которым в России якобы на протяжении семи лет проводились радикальные либеральные реформы. Что этот курс, который все годы, видимо, проводило правительство Виктора Степановича Черномырдина, и привел страну в тупик, закончившийся финансовым кризисом осенью 1998 года и приходом нового Правительства Примакова-Маслюкова, провозгласившего поворот в экономической политике.

Этот миф не имеет никакого отношения к экономической реальности, но он достаточно важен для серьезного обсуждения проблем, связанных с тем, что же действительно происходило в российской экономической политике, в чем причины того отката, с которым мы столкнулись сегодня.

В последние годы в России, по-моему убеждению, шла борьба вокруг двух блоков принципиальных вопросов. Первый блок – укоренятся ли в России

* Доклад Председателя партии “Демократический выбор России” на VII съезде ДВР 30.I.1999 г. (журнальный авторизованный вариант. @Е.Гайдар @ “Открытая политика”)

рыночные механизмы и демократические институты. При всех проблемах и сложностях, можно сказать, что ответ на этот вопрос – по крайней мере, на сегодняшний день – оказался положительным. Даже сегодня пришедшее к власти левокоммунистическое правительство буквально через несколько дней после начала своей работы начало расписываться в верности рынку и частной собственности.

И был второй вопрос, принципиальный и важный – о характере формирующегося в России общества, о типе рыночной экономики. И здесь реально существовало две линии в экономической политике. Первой линией можно назвать формирование в России номенклатурного капитализма. Именно эта линия последовательно проводилась правительством Черномырдина подавляющую часть времени его существования. И вторая – линия на формирование в России свободной рыночной экономики.

В чем суть линии на формирование номенклатурного капитализма? Для социализма характерна система, при которой существует жесткая административная вертикаль и жесткая ответственность руководства предприятий за выполнение административных заданий. Эта система неэффективна, потому что она не позволяет генерировать инновации, но она обеспечивает определенный уровень дисциплины, позволяющей обществу хоть и неэффективно, но функционировать. Нормальная свободная рыночная экономика – это тоже система жесткой ответственности, но ответственности финансовой. Именно потому, что предприятие, менеджер или хозяин которого неспособен эффективно организовать производство, теряет контроль над ресурсами, разоряется, рынок – это наилучший механизм выявления нововведений и отбора тех, кто способен работать в условиях рыночной экономики. Именно эта жесткая финансовая ответственность предприятий позволяет рынку быть важнейшим инструментом, повышающим эффективность использования ресурсов, генерирующих экономический рост.

Период перехода от устойчивой, хотя и неэффективной социалистической экономикой, к устойчивой и эффективной рыночной экономике – это период такого уникально низкого состояния уровня ответственности и руководителей, и собственников, когда уже не действует

страх перед КГБ и райкомом партии и еще не действует страх перед жесткой финансовой ответственностью и банкротством.

Формирование этой своеобразной “ничейной зоны” началось задолго до нашего прихода в Правительство – еще в 1987-1988 гг. И большая часть номенклатуры была готова принять и реформы, и даже приватизацию, исходя из твердого намерения, навсегда сохранить мягкие бюджетные ограничения, законсервировав ситуацию, при которой предприятие, неэффективно использующее ресурсы, где директор пьет и ворует, а рабочие голодают, продолжает функционировать, как ни в чем не бывало.

Логика мягких бюджетных ограничений

За логикой мягких бюджетных ограничений была длинная традиция, мощные интересы хозяйственной и политической элиты. Именно сторонники этой логики имели поддержку на протяжении большей части последних лет и в парламенте, и в региональных администрациях, и в региональных законодательных собраниях, да собственно, и в федеральном правительстве.

Что значит линия на мягкие бюджетные ограничения? Это значит, что отношения между предприятием и государством носят не законный нормативный характер, а имеют характер индивидуального торга, вокруг льготных кредитов, бюджетных субсидий, вокруг возможности не платить налоги, накапливать недоимку, сохраняя контроль за ресурсными потоками, за своим положением. Это значит, что предприятие, хозяин (или директор) которого не может наладить эффективного производства, продолжает функционировать. Это значит и то, что парализованы все рыночные механизмы отбора эффективных собственников и менеджеров, что не действует механизм перераспределения ресурсов в пользу тех, кто умеет организовать производство. Это значит, что парализованы механизмы рыночного роста, что тесная связь собственников и менеджеров с аппаратом государственного управления неминуемо генерирует в коррупцию. Это путь к экономике как бы и рыночной, но неэффективной, стагнирующей и коррумпированной. Вот в чем суть линии на формирование в России номенклатурного капитализма. Еще раз подчеркиваю, эта линия имела очень глубокие корни в нашей традиции, и отнюдь не только в последние 80 лет. Она всегда была теснейшим образом

связана с интересами хозяйственной элиты, которая хотела получить собственность, но не умела работать в рыночных условиях и категорически была не готова смириться с тем, чтобы эту собственность потерять. Она имела поддержку у российского чиновничества, значительная часть которого всегда была коррумпирована, именно эта линия была важнейшей угрозой для формирования в России нормального демократического общества и рыночных институтов, за которые мы вели борьбу в последние годы.

Что было альтернативой этой линии? Курс на формирование жестких нормативных условий деятельности предприятий, когда предприятия, где директор не может нормально организовать производство, прекращают функционирование или туда приходит новая управленческая команда, когда отношения между государством и предприятием носят нормативный характер, когда от эффективности работы предприятия, а не от взаимоотношений с чиновником зависит его будущее. Как вы понимаете, это стратегическая развилка, где решается вопрос о том, будет в России развивающаяся рыночная экономика или нет и вопрос о том, какое общество мы получим в нашей стране.

Либеральная альтернатива номенклатурному капитализму это жесткие бюджетные ограничения, это нормально организованный, прозрачный и стабильный бюджет, это нормальная конвертируемая валюта, это растущая экономика и эффективная борьба с коррупцией в государственном аппарате. Именно за это выступали, за это боролись либералы на протяжении последних лет.

Так что спор в последние годы был не о том, какой в России будет бюджетный дефицит или какая будет инфляция, спор был о самом характере формирующегося социально-экономического строя.

В первом полугодии 1998 года в борьбе по этой важнейшей стратегической проблеме сохранялось как бы временное равновесие, временный баланс сил, когда у либералов не было политической поддержки и возможностей последовательно проводить свою политику, а у сторонников номенклатурного капитализма не было возможности окончательно закрепить свое господство. Вся борьба, которая на поверхности проявлялась то в дискуссиях между Борисом Федоровым и Газпромом, о том, сколько Газпром должен платить налогов, то в том, как растет или сокращается задолженность

по заработной плате, на самом деле была борьбой вокруг выбора двух стратегических альтернатив. К сожалению, для того чтобы реализовать последовательно либеральную экономическую политику, курс на формирование эффективной свободной рыночной экономики как базы устойчивой российской экономики, мы не смогли создать необходимой политической базы. Все, кто наблюдал перипетии этой борьбы, могли заметить, как яростно парламентское большинство становилось на защиту прав предприятий иметь индивидуальные отношения с государством, прав не платить налоги. Все, наверное, помнят огромную роль парламентского большинства в нейтрализации попыток правительства Кириенко переломить развитие событий, добиться финансовой стабильности. Все понимают сегодня, что парламентское (коммунистическое) большинство все это время думало только об одном: только о власти. Все это время оно реально было защитником номенклатурного капитализма, и сделало все возможное для победы сторонников этой линии осенью 1998 года.

Все, что было связано с формированием нового правительства Примакова-Маслюкова, опирающегося на серьезную поддержку коммунистического большинства, это – последовательная победа линии на формирование номенклатурного капитализма. Вспомним первое решение правительства Примакова-Маслюкова – восстановление индивидуальных налоговых соглашений. Что это как не база номенклатурного капитализма? Вспомним отказ от использования процедуры ускоренного банкротства, зная, что финансовая безответственность – это основа номенклатурного капитализма. Вспомним восстановление системы бюджетных взаимозачетов, восстановление возможности оплаты налогов в натуре, списание задолженности предприятиям агропромышленного комплекса. Все это не случайные изолированные меры, это вполне последовательная линия на формирование в России отдельного комплекса предприятий, имеющих право не платить налоги, накапливать налоговую недоимку, заведомо финансово безответственных. Именно там в этой нездоровой атмосфере и формируются возможности масштабных хищений средств предприятий, перевода их в офшорные зоны. Совершенно не случайно все это в России явно связано со слабостью бюджетных ограничений, с накоплением задолженности перед бюджетом.

Как ни странно может показаться, но этот поворот к последовательному номенклатурному капитализму получил широкую поддержку, был поддержан подавляющей частью Государственной Думы, где против утверждения правительства Примакова по существу голосовала только небольшая группа демократических депутатов. “Новый курс” в высшей степени соответствовал интересам как хозяйственных элит, так и тех политических сил и движений, которые вышли из пропагандистских крыльев КПСС и потом объединились в КПРФ.

То, что КПРФ и большая часть “партии власти” – это близнецы-братья в борьбе за номенклатурный капитализм, могло быть не вполне ясно до 1998 года, но это абсолютно ясно сегодня.

Последствия триумфа

Последствием триумфа номенклатурного капитализма, стало существенное снижение поступлений доходов во все виды бюджетов. По существу, если этот номенклатурный сектор сумел навязать государству свою модель отношений, свою модель финансовой безответственности, то за это кто-то должен был заплатить контрибуцию. И кто ее будет платить, тоже было понятно. Если в результате происшедших перемен у нас средние поступления в федеральный бюджет сократились примерно с 3 миллиардов долларов в месяц летом 1998 года до менее чем миллиарда долларов в январе 1999 года, то это значит, что все граждане, чьи доходы зависят от бюджета (учителя, врачи, военные, пенсионеры), и должны были заплатить эту контрибуцию.

Именно резкое падение доходов бюджетников и пенсионеров – плата за тот экономико-политический поворот, который произошел в России на протяжении последних месяцев. И эта плата серьезная. Падение доходов бюджетников в этом году, по нашим прогнозам, к сожалению, составит примерно 50 процентов по отношению к уровню первого полугодия 1998 года.

Поэтому я категорически против рассуждений о либеральном характере бюджета, который представило Правительство Примакова-Маслюкова в Государственную Думу, о сверхмонетаристском характере их бюджетной политики. Представленный проект бюджета – это проект декларации о безоговорочной капитуляции государства перед номенклатурным

капитализмом. Ничего больше в нем нет. И в этой связи мы категорически против этого проекта бюджета.

Итак, новое Правительство Примакова-Маслюкова – это правительство, с которым связан поворот экономической политики в сторону формирования в России номенклатурного капитализма. Мы не поддерживаем этот курс. Мы не поддерживаем Правительство Примакова. Мы не поддерживаем тот бюджет, который оно внесло. Мы находимся в оппозиции по отношению к этому Правительству и реализуемому курсу. Мы считаем борьбу за демонтаж номенклатурного капитализма, формирование в России открытой рыночной экономики важнейшей стратегической задачей “Демократического выбора России” и, я надеюсь, наших политических союзников.

О наших ошибках

Несколько слов о наших собственных ошибках в борьбе вокруг этого принципиального вопроса. Некоторые наши коллеги, единомышленники (нынешние или прошлые) сейчас говорят: ну смотрите, какая огромная сила была за номенклатурным капитализмом, какая сила традиций, какая сила интересов, надо ли было за оружие браться?! Надо ли было вообще затеваться с борьбой против того, что все равно было неизбежным? Надо ли было пытаться все эти годы проводить курс на либеральные реформы в России? Да и были ли они?

Я категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Я не верю в то, что история выстроена как одноколейка, и все в ней predetermined; что в такие моменты истории, которые мы наблюдали в последние годы, нужно было смириться перед деструктивной, хотя и серьезной, силой, сказать: “Ну раз уж все так идет, что ж теперь нам делать? Подождем, пока созреют условия”.

Я убежден, что мы должны были использовать все возможности до последней. И мы будем использовать все возможности, как для того, чтобы не допустить формирования в России номенклатурно-капиталистического общества так и для того, чтобы редуты этого номенклатурного капитализма демонтировать. Это наш путь – мы от него никогда не откажемся.

Другое дело, что в этой борьбе у нас действительно были ошибки. Я бы остановился на трех.

Первая из них. Да, политика – это всегда искусство компромисса. В политике компромиссы неизбежны, если ты хочешь чего-то добиться. Встать в позу и говорить: если все не сделается по-моему, – я умываю руки, может и очень красиво, но абсолютно непродуктивно, если хочешь добиться результатов.

Мы действительно шли на многие компромиссы, исходя из соображений пользы дела. И каждый раз каждый компромисс имел свои серьезные основания, серьезные причины оправдывающие его. Вместе с тем сегодня, оценивая весь пройденный путь, я должен признать, что сумма компромиссов оказалась избыточной. Этот серьезный урок мы тоже не можем не учитывать.

Вторая серьезная ошибка реформаторов – это серьезнейшая недооценка парламента. Да, у нас всегда были парламента с “дурным большинством”, безответственные и популистские. Именно поэтому мы пытались проводить реформы, в первую очередь опираясь на исполнительную власть, на поддержку Президента и т.д. Нам казалось, что многое можно сделать, используя потенциал президентской власти, его указов.

Но отсюда были два очень неприятных и, как оказалось, роковых, следствия: во-первых, это означало, что наши возможности действовать и добиваться своих результатов оказываются в колоссальной степени зависимыми от Президента, от того, кто влияет на Президента, от того, как меняется позиция Президента. И второе, что даже важнее: мы недооценили огромную деструктивную, разрушительную роль, которую может играть антиреформаторский парламент.

Анализируя развитие событий между 96-м и 98-м годами, то есть весь поворот к кризису, я вижу, как с каждым шагом парламентское большинство делало все возможное для дестабилизации положения в стране. И каждый шаг в эту сторону ставил Правительство во все более и более сложную ситуацию, делая шансы на продолжение движения к свободной растущей либеральной экономике все более и более призрачными.

Было страшное поражение демократов 1995 года. Но я думаю, что тогда, в 1995 году и особенно после победы Ельцина в 1996-м году, мы недооценили масштабов той проблемы, которую представляет контролируемый коммунистами Парламент. Развитие же событий показало: Парламент не всегда

способен решить проблемы страны, но если парламентское большинство ставит своей задачей разорить страну, устроить в стране тяжелейший кризис, это, к сожалению, ему всегда под силу.

И, наконец, последнее – недооценка публичной политики. Многие реформаторы пришли во власть из академических институтов, представляли, как надо разрабатывать законы, указы, анализировать макроэкономику, писать бюджеты и т.д. К сожалению, они гораздо хуже знали, как надо объяснять все это людям, как надо вести активную политическую работу, имеющую свои собственные законы, которыми нельзя пренебрегать.

И эта недооценка публичной политической работы, пропагандистская пассивность, извиняющийся тон, готовность смириться с ложной катастрофической картиной мира, но сформированной нашими оппонентами – это была, конечно, наша очень серьезная ошибка.

Думаю, из всех этих ошибок мы должны извлекать соответствующие уроки.

Коалиция “Правое дело”

Важнейшей причиной поворота 98 года стал “левый” парламент. Причиной формирования “левого” парламента стали наши неудачи на выборах. Причиной нашей неудачи на выборах было то, что демократы были расколоты в 95 году.

В этой связи сегодня наша важнейшая задача – не допустить повторения этих ошибок, добиться в максимальной степени возможного единства сил, тех, кто не принимает линию Правительства Примакова-Маслюкова, тех, кто не принимает курс на формирование номенклатурного патерналистского капитализма, тех, кто выступает за свободную, рыночную, либеральную экономику и европейские ценности.

Сейчас мы начали работу по формированию новой политической предвыборной коалиции. Прошел оргкомитет, прошли два заседания Координационного совета, идет серьезная работа по формированию его аппарата, по созданию коалиции на местах.

В этой связи нужно определить роль и задачи ДВР. Из всех партий и движений, которые формируют коалицию ДВР, к настоящему времени, имеет наиболее развитую организационную структуру.

Мы могли попытаться навязать свое лидерство в коалиции, сделав ее как бы расширенным изданием “Демократического выбора России”, Но это неправильный путь. Я думаю, что мы должны проявить политически здравый смысл и политическую корректность по отношению к нашим партнерам и единомышленникам. Именно потому, что у ДВР есть заметный потенциал, мы можем и должны сделать все возможное для того, чтобы коалиция оказалась действительно новым политическим образованием, способным решать важнейшие задачи подготовки и организации избирательной кампании, способной обновить образ демократов и либералов в регионах, вовлечь новых людей, которые, может быть, сегодня не готовы придти в ДВР, но будут готовы придти в новую коалицию.

Развернутая работа по формированию коалиции на местах, подготовка к выборам по мажоритарным округам, выдвижение авторитетных лидеров коалиции, достижение договоренностей с нашими ключевыми партнерами, минимизация риска столкновения взаимных амбиций - то, что в первую очередь должны делать сегодня партийные организации. Многие региональные организации активно подключились к формированию коалиций, провели конструктивные переговоры с нашими партнерами, сумели привлечь авторитетных людей, сумели сформировать подобного рода базу. Но останавливаться на достигнутом нельзя, сегодня база коалиции в сформированном виде есть примерно в 15-20 регионах. Следующие два месяца должны быть временем интенсивной работы по их созданию по крайней мере во всех важнейших регионах России.

О политическом ландшафте предстоящих выборов

К настоящему времени обозначилось два центра консолидации политических сил, которые пойдут на выборы 1999 года. Первый – это блок коммунистов и их союзников. Коммунисты, в последнее время, понимая, что их избирательный потенциал не растет и, понимая те проблемы, которые связаны с их неизбежной ответственностью за экономические провалы Правительства

Примакова-Маслюкова, все более активно и откровенно играют с радикальным национализмом. Я убежден, что и высказывания Макашова, и высказывания Илюхина, и их поддержка коммунистической фракцией – это не случайность и не отдельные оговорки и оплошности. Это сознательная работа, суть которой доказать национал-социалистскому, фашистскому электорату, что мы – свои, мы – одной крови, мы готовы давно забыть про всякие глупости, связанные с пролетарским интернационализмом, все это из прошлого. Показать коричневую харю, вылезающую из-под красного знамени, так, чтобы, по крайней мере, свои заметили.

(Здесь речь была прервана фашистскими провокаторами!)

Угроза радикального национализма, фашизма в России, к сожалению, не выдумка. Сегодня мы знаем, как преследуют наших единомышленников во многих регионах, какую нелегкую борьбу ведут многие члены ДВР против радикальных националистов в “красных” регионах России. Мы знаем о фактах угроз нашим коллегам и о фактах их судебных преследований, мы знаем, что сегодня, к сожалению, правоохранные органы в России очень эффективно защищают фашистов и, к сожалению, проявляют завидную пассивность в борьбе против радикального национализма. В этой связи, разумеется, блок коммунистов и радикальных националистов – это наши политические враги, политические противники. Задача не допустить их к власти в России остается важнейшей задачей для всех здравомыслящих сил в нашей стране.

Другая крупная политическая сила, которая формируется на наших глазах – это блок Юрия Михайловича Лужкова, с которым политически в последнее время все более явно сближается “Яблоко”. Разумеется, они пойдут на выборы двумя разными списками, но при активном взаимодействии и при активной совместной работе. По всему, что говорили в последнее время и Юрий Михайлович Лужков, и Григорий Алексеевич Явлинский, это очевидно.

Если говорить об “Отечестве”, о Юрии Михайловиче Лужкове, как по существу о политическом лидере этого блока, то надо заметить, что в двух вопросах Юрий Михайлович Лужков близок к коммунистам. Первое – это вопрос о поддержке номенклатурного капитализма. В отношении поддержки

специфической системы отношений между властью и предприятиями, патернализма, роли чиновничества позиции Юрия Дмитриевича Маслюкова и Юрия Михайловича Лужкова вряд ли серьезно различимы. Это часть того консенсуса, который сегодня существует в большей части российской элиты. В этой связи, кстати, когда мы говорим о курсе 1992-1998 годов, иногда его называют гайдаровско-чубайсовским, я с этим категорически не согласен. Я знаю, как формировался этот курс, он в гораздо большей степени имеет основание называться черномырдинско-лужковским.

Второй вопрос, который сближает позицию Юрия Михайловича с позицией коммунистов – это акцент на державность и попытки вновь бряцать атрибутами имперского величия.

Иногда Юрий Михайлович даже пытается забежать вперед своих партнеров из коммунистического блока. Особенно это проявилось в вопросе о наших претензиях на Севастополь, отказе поддержать Договор с Украиной, в самом тоне, риторике соответствующих выступлений.

Вместе с тем, разница между позицией “Отечество” и позицией радикальных коммунистов по этим вопросам абсолютно очевидна. Ее нельзя недооценивать. Это разница между имперской державностью и собственно радикальным нацизмом. И в этой связи не думаю, что они могут быть всерьез политическими партнерами.

Это определяет и отличие нашей позиции по отношению к блоку Ю.М.Лужкова. Для нас он политический оппонент. Мы по-другому представляем себе, что надо делать в России. Мы категорически не согласны с линией на укоренение номенклатурного капитализма. Вместе с тем в противостоянии радикальному национализму я убежден, что у нас есть база для диалога и взаимодействия.

Стратегия нового века – Европейский выбор России

Выборы 1999 года важнейшие для России. От того, как они пройдут, зависит многое в нашей стране. Сейчас мы погружены в текущие заботы – подготовку к выборам, противодействие повороту в экономической политике и т.д.

Вместе с тем все это не должно заслонять от нас стратегических проблем. Я напомним, что выборный цикл 1999-2000 гг. сформирует те органы власти, с которыми Россия войдет в XXI-й век. И сегодня не думать о том, какова наша стратегическая линия в XXI веке, что мы предлагаем для России в XXI веке, было бы опрометчиво и неосмотрительно.

Вообще это была наша традиционная ошибка: мы очень много говорили о важных, существенных, но все-таки деталях. О том, как надо в машине устроить карбюратор и как его починить, а не о том, куда, собственно, на этой машине мы собираемся ехать. Мы слишком много говорили об инфляции и бюджетном дефиците и мало говорили о том, какое общество мы хотим создать в России в XXI веке.

Я убежден, что сегодня мы должны четко сформулировать свои представления и приоритеты по вопросу об этих важнейших стратегических ориентирах.

Советский Союз - последняя крупная империя, которая распалась в XX веке. До этого распались английская и французская. Распад империи всегда тяжел для общества, которое его переживает. И всегда есть соблазн поиграть на ностальгии по былому имперскому величию. Мы видели это во Франции. Мы видели это в Англии. Мы видим это сегодня в России.

Очень опасно, когда общество дает себя этим увлечь. Опасно, когда общество всерьез начинает думать о том, как же добиться того, чтобы снова стать империей, какие для этого нужно сделать ракеты, как нужно для этого отнять территорию у своих соседей, предъявить к ним территориальные претензии... Потому что это значит, что ностальгия, нормальная, безопасная, превращается в страшную, разрушительную силу политического безумия.

Когда Россия, для которой отношения с Украиной являются важнейшим приоритетом, отказывается подписать договор о дружбе и сотрудничестве с Украиной, отказывается признать границы Украины, это значит, что эта

политика, бесконечно близорукая, становится реальной, серьезнейшей угрозой в нашей стране.

Если вы вспомните риторику последнего времени в обсуждениях принципиальных, стратегических проблем, вы увидите, как много сейчас игр на чувстве национального унижения, на чувстве ностальгии по временам, когда все нас боялись, потому что боялись наших танков, боялись нашей непредсказуемости. Как много попыток поиграть в противостояние миру, в союзы с малоприличными политическими режимами. Это страшный путь, очень опасный для России. Россия в объятиях Северной Кореи и Ирака в XXI веке, Россия, которая сама себя запугала и пытается противостоять всему наиболее демократическому, свободному, экономически развитому, сильному и богатому миру, – это страшная перспектива для нашей страны.

Иногда может сложиться впечатление, что есть широкий политический консенсус, что именно по этому пути Россия должна идти.

Я с этим категорически не согласен. И я думаю, что мы должны твердо и однозначно сказать, что у России есть принципиально другая альтернативная стратегия. Суть этой стратегии - отношения России и Европы, Европы новой, объединенной, демократической.

История отношений России и Европы, история борьбы лучших людей в России за европеизацию, за сближение с Европой – это во многом история последних трех столетий России. И здесь можно упомянуть хотя бы одного русского, юбилей которого мы будем отмечать в этом году. Мало можно назвать в России людей, более четко, однозначно и явно связанных с европейским выбором России, чем Александр Сергеевич Пушкин.

За эти века Россия интегрировала в себя лучшие достижения европейской культуры. Она оказалась отнюдь не только ученицей. Русская культура оказалась важнейшей частью европейской культуры. Вместе с тем на пути интеграции России в Европу стоял и такой важнейший фактор, как разделенность самой Европы. Ведь Европа до последнего времени была разделенной, а Россия была слишком большой, для того чтобы стать постоянным союзником, или тем более вассалом любого европейского государства.

Но за это время на самом деле в Европе произошли фундаментальные изменения. Сегодня все великие нации, с великой историей вместе активно работают над формированием единого демократического европейского дома, Европейского Союза. Это важнейший для нас экономический полюс мира. Это наш крупнейший экономический партнер. Это регион, теснейшим образом связанный с нами культурно и политически, связанный с нами соображениями безопасности.

В этой связи я убежден, что линия на последовательную интеграцию России в европейские структуры, линия на выстраивание долгосрочных партнерских отношений с Европой, – это стратегический выбор для России. Я подчеркну, что этот выбор носит практический и прагматический характер. Анализ экономических реформ последних лет показывает абсолютно однозначно, что именно те страны, которые твердо взяли курс на интеграцию в Европу, оказались способными наиболее эффективно решить проблемы постсоциалистического перехода, сформировать эффективную рыночную экономику и давно начать экономический рост. Именно там, где не было согласия по этой стратегии, экономическая политика оказалась гораздо более слабой, а результаты реформ разочаровывающими.

Второе. Этот выбор носит действительно стратегический характер, потому что он означает не только выбор внешнеполитических ориентиров и логики отношений к проблемам безопасности.

Это выбор стратегии денежной политики, финансовой политики, политики в сфере образования, права, социальных отношений, науки и культуры, формирования рыночных институтов и так далее.

И, наконец, это человеческий выбор. Я очень хорошо знаю, чего хотят многие наши единомышленники. Они хотели бы жить в спокойной и процветающей Европе, только никуда не уезжать из России и говорить по-русски.

И я убежден, что точно так же, как это достижимо для Польши, точно так же, как это достижимо для Чехии и как достижимо для Венгрии, как это достижимо для той же Эстонии, которая входила в состав Советского Союза, это достижимо и для России.

Конечно, было бы безответственным авантюризмом сказать, что это краткосрочная легкая задача. России предстоит пройти очень серьезный путь, (кстати говоря, путь с вполне понятными, конкретными вехами), – путь в Европу. России предстоит убедить мир и Европу в том числе, что она действительно способна стать демократической, рыночной, устойчивой и стабильной экономикой. России предстоит самой решить свои важнейшие вопросы, самой определиться. Но этот путь для нас, убежден, не закрыт. Выбор в данном случае зависит исключительно от нас. И тогда это будет выбор не в исторический тупик, а это будет европейский выбор России, выбор пути в достойное будущее.

Дорогие друзья! Политическое значение предстоящего года для развития России в начале XXI века требует от всех нас энергии, воли, собранности и наступательности. Мы немало сделали в последние годы для того, чтобы свобода слова, демократические институты, рынок, конвертируемая валюта укрепились в России. Мы потерпели временное поражение в тяжелой борьбе за характер формирующегося в России общества. Ну что же, как говорится, за одного битого двух небитых дают! Историческая правда на нашей стороне!

Наше дело – правое.